

А.Мельников

ДОЛГ ЛОРОКИ

РОМАН

Санкт-Петербург - 2026

Андрей Мельников

"Долг Лороки"

<https://litres.ru/74650383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к роману «Долг Лороки»

Есть вещи, которые не продаются. Доверие, например. Или чувство, что ты идёшь по следу, который оставили триста лет назад специально для тебя. Наш герой не искал приключений. У него была обычная жизнь, больная спина и странный перстень на пальце — купленный когда-то на барахолке за копейки. Но однажды ночью ему приснился сон. А наутро пришли люди, которые знали о нём больше, чем он сам. Теперь ему предстоит войти в банк, где не дают кредитов, встретиться с теми, кто не оставляет следов, и узнать, что никакой «барахолки» не было. А был человек, молчавший всю жизнь. Был долг, переданный через поколения. И была сеть, созданная гением при поддержке императора — чтобы проснуться именно сейчас. Где-то там, за погонями и тайнами, за финансовыми катастрофами и старыми архивами, его ждёт стена со шрамом. И тишина. Самая главная тишина в его жизни. Впутался он, короче, по полной.

Но кто бы на его месте отказался?

Содержание

Глава	4
Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Мельников

"Долг Лороки"

Глава

От автора

Все персонажи, организации и геополитические комбинации, описанные в этой книге, являются чистым вымыслом автора — от первой до последней строки. Любые совпадения с реальными событиями, ныне живущими или покойными банкирами, сотрудниками внешних разведок и государственными деятелями — абсолютно случайны. Однако, если в процессе чтения вы внезапно узнаете себя, свои счета, свои тайные аналитические записки или перстень своего прадеда — автор просит не обижаться. Мир денег устроен гораздо проще, чем эта книга.

Или намного сложнее.

Глава

ЧАСТЬ I: СИГНАЛ

Глава 1. Имя из ниоткуда

Я не спал. Я не бодрствовал. Я существовал в узкой щели между мирами, где время текло, как густой сироп, а мысли обретали плоть и звук. Сознание уплывало кусками, и единственным, что удерживало меня на плаву, было это имя. Оно звучало навязчиво, безостановочно, как заевшая пластинка: «Гэль-Альфред-де-Лороки».

Оно не имело лица. Не имело образа. Оно было просто звуком, вибрацией в каждой клетке моего тела. Я повторял его про себя, шептал в подушку, боясь сделать вдох громче, чем этот шепот. И сквозь этот бред прорвался холодный укол паники: «Забудешь. Ты забудешь это, как только откроешь глаза».

Этот страх оказался сильнее сна. Мое тело, тяжелое и ватное, качнулось с кровати само по себе. В темноте рука нашупала на тумбочке блокнот и ручку. Я не видел, что писал. Я просто водил ручкой по бумаге, заставляя мышцы запомнить танец, который диктовал мне мозг. Буква «Г», за ней «э», корявая «ль»... Я выводил кривые, пляшущие буквы: «Гэль Альфред де Лороки».

И только тогда, когда точка была поставлена над «и», чары спали. Я рухнул обратно на подушку, проваливаясь в чер-

ную, беззвёздную пустоту.

Утро пришло резко и безжалостно. Я сидел на кровати, с трудом соображая, где я. Воспоминание о ночи было смутным и неприятным. И тогда мой взгляд упал на тумбочку.

Над разлинованными страницами блокнота лежал клочок бумаги. На нем, ужасным, не моим почерком, были нацарапаны слова. Я взял листок. Рука дрогнула.

Гэль Альфред де Лороки.

Я смотрел на эти слова, и по спине медленными змейками поползли мурашки. Это был не сон. «Это был факт — доказательство. Материальный артефакт, перенесённый из другого состояния сознания.» И тихий, спокойный внутренний голос задал единственный вопрос, от которого стало по-настоящему страшно:

«А что, если я его не выдумал? Что, если... оно само меня нашло?»

Глава 2. Система

Листок не отправился в мусорную корзину. Я прикрепил его магнитом к дверце холодильника, как нерешенную задачу.

Сначала я пытался его анализировать. «Гэль» — кельт-

ское. «Альфред» — германское. «Де Лороки» — отдает французской аристократией. Какая-то нелепая, собранная с миру по нитке личность. Вымысел.

Но был один нюанс. Один маленький, но оглушительный прецедент.

Это было пять лет назад. Я три дня ходил бормоча про себя «Кабо-Верде, Кабо-Верде». И вот пятница. Душный вечер, покер. У меня вдруг вырвалось, абсолютно машинально:

— Сегодня Кабо-Верде выиграет у Португалии. Все обернулись. Грохнул смех.

— Кабо-что? Ты хоть знаешь, где это?

— Приблизительно, — с улыбкой ответил я. — Но выиграет. За час до игры я поставил сотню, чисто на спор с самим собой.

На следующий день я открыл приложение. 1:0. Скромная островная страна обыграла футбольного голиафа.

— Ты, мужик, колдун. Откуда ты знал?!

— Во сне приснилось.

Тогда я списал все на дикую случайность. Порадовался выигрышу и забыл.

Но сейчас, глядя на имя «Гэль Альфред де Лороки», я понимал: это не лотерея. Это — система.

Тот случай был пробным шаром. Проверкой канала связи. А теперь по этому каналу пришло настоящее сообщение.

И самое странное — когда поисковики выдали пустоту, я почувствовал не разочарование, а облегчение. Это подтвер-

ждало мою догадку. Это имя не имело прошлого в нашем мире. Оно было... новым. И это меня обрадовало. Значит, оно пришло именно из там. Из того места, откуда приходят вещие сны. Я подошел к холодильнику и отлепил магнит. Листок оказался на удивление тяжелым.

Я положил его перед собой на стол.

— Ладно, — тихо сказал я. — Ладно, я в игре. Что дальше?

Время после этого открытия потеряло привычную шкалу. Минуты могли тянуться часами, а часы — пролетать мгновенно. Я ловил себя на том, что замираю посреди любого дела, прислушиваясь не к внешним звукам, а к внутренней тишине, в которой, казалось, вот-вот должен проступить новый смысл. Комната, компьютер, улица за окном — всё стало фоном, декорациями к главному действию, которое разворачивалось в одном-единственном канале связи, пока что безмолвном. И когда телефон на столе наконец вздрогнул, это не было неожиданностью. Это было исполнением ожидания.

В тот же миг телефон на столе завибрировал и загорелся. Пришло новое email-уведомление. Отправитель был незнакомый. Тема письма состояла из одного слова: «Подтверждено».

Слово «Подтверждено» повисло в воздухе, как стук в запертую дверь. Один-единственный раз.

И — тишина.

Следующие несколько часов растянулись в странном, вне-

временном измерении. Я механически делал дела, но весь мир вокруг был ненастоящим, бутафорским. Единственной реальностью были два объекта на столе: листок с именем и телефон.

Главный вопрос раскалывал мне голову: Что они скажут дальше?

Не «что». А кто? И откуда? И самый мучительный — как?

Но глубже всех этих вопросов зияла тихая, неоспоримая уверенность: ответ придет ночью. Именно там, в царстве безвременья, где стерты границы, и откроется этот канал снова.

И вот наступил вечер. Ожидание стало физическим, почти осязаемым. Оно было томительным — сладким и тягучим. Каждая клетка моего тела жаждала продолжения.

Оно было интересующим — самым острым и пьянящим интересом в моей жизни.

И да, оно было чуть-чуть пугающим. Этот страх был не паникой, а благоговейным ужасом перед величием Тайны. Холодок по коже, предвкушение встречи с чем-то безмерно древним. Страх, без которого не бывает настоящего чуда.

Я лег в кровать, и тьма сомкнулась надо мной. Она не была пустой. Она была наполнена ожиданием.

Я не просил сна. Я ждал послания.

И засыпая на грани двух миров, я мысленно произнес — не вопрос, не мольбу, а пароль, ключ, который мне доверили: «Гэль Альфред де Лороки... Я слушаю».

Глава 3. Ищи там же

Вот и утро, пора вставать. Ничего и не приснилось, — подумал я в утренней дремоте.

— Только три слова: «ИЩИ ТАМ ЖЕ».

Я проснулся. Мозг медленно начал переваривать эту фразу и просыпаться. Кофе, — подумал я, — немного ускорит этот процесс.

Я не знал, что делать. А когда я не знаю, что делать, я закуриваю сигарету, наливаю кружку кофе и думаю. Механические ритуалы, чтобы унять дрожь в руках и дать уму точку опоры.

«Ищи там же». Что искать? Где? Я рылся в корзине своей памяти, как в старом чердаке, ища хоть что-то, что могло бы резонировать с этим именем.

И я вспомнил.

На мое 33-летие мне мой близкий друг подарил золотую печатку. Массивную, старую, с каким-то стершимся гербом.

— Зачем, дружище? Это же дорого! — сказал я тогда.

— Ерунда, — отмахнулся он. — Купил на барахолке за копейки у какого-то мужика. Носи на здоровье.

Я его носил. Ровно 17 лет, до сегодняшнего дня, до своих пятидесяти. А недавно заболел, пальцы стали толстоваты, я снял его и положил в шкатулку. Потом хотел подарить старшему сыну на восемнадцатилетие — он отказался. Младший — тоже. Предложил им его просто продать на лом, но они уговорили не делать этого. «Он тебе, пап, дорог как память».

«Ну что ж, — усмехнулся я про себя, — совсем тронулся.

Искал символизм в приметах, а он, возможно, всегда лежал в шкатулке». Я встал, нашел ее и открыл. Перстень лежал на бархате, темный и немой.

Взяв его и закуривая очередную сигарету, я накинул на свой кривой нос очки и пристально стал его рассматривать. Водил пальцем по шершавой поверхности, всматривался в стершийся рисунок.

И тогда сигарета выпала из моментально высохших губ.

На внутренней стороне, почти стертые, но читаемые, были выгравированы цифры 1750. Между ними — крошечное, изысканное изображение птицы с мощным, хищным клювом. Ворон, — мелькнуло в голове.

Я схватил лупу. При свете лампы контуры стали четче. А дальше, после даты, я разглядел три буквы. Три латинские буквы, от которых по спине пробежал ледяной холод.

G. A. L.

Гэль Альфред де Лороки.

Перстень, который я носил почти два десятилетия, оказался не просто украшением. Он был вещью. Его вещью. И он ждал. Все это время он ждал, когда я получу сообщение и начну искать.

«Ищи там же»... Оно было здесь. Всегда было здесь.

И самое пугающее было не в том, что он оказался вещью призрака. Самое пугающее было в другом вопросе, который встал во весь рост и от которого застыла кровь:

А что, если это не его жизнь — чужая? А что, если эта

чужая жизнь — и есть моя настоящая?

Ведь «они» вышли на связь не просто так. Они вышли на связь со мной. Перстень ждал меня. Имя пришло ко мне.

Я поднял взгляд с перстня и медленно обвел глазами свою квартиру. Книги, компьютер, кружка недопитого кофе. Вся моя привычная, выстроенная годами жизнь вдруг показалась бутафорией. Декорацией. А единственной подлинной вещью в этом мире оказался вот этот кусок золота с выгравированными на нем тремя роковыми буквами.

«Ищи там же». Эта фраза преследовала меня несколько дней. Я перебирал в памяти все «там», где уже искал. Я сидел над разрозненными записями, чувствуя себя так, будто пытаюсь сложить мозаику с недостающими фрагментами. «G. A. de L.» и герб с вороном — этих зацепок было слишком мало для поисков в океане истории. Мозг отказывался выстраивать логические цепочки. И вдруг перед внутренним взором возникла картина из детства: прохладные, залитые светом залы, высокие стеллажи с папками и мама, с легкостью читающая строки на старом французском. Именно там, в архивах, куда она брала меня маленьким, и хранились настоящие ключи к прошлому. Я не просто так вспомнил об этом сейчас.

История длиной в три столетия оказалась крепким орешком. Оставался единственный человек, чья профессиональная интуиция и знания могли помочь. Человек, для которого архив был вторым домом.

— Мама, знаешь, — сказал я, пока мы пили вечерний чай, — мне встретилось одно имя в старых бумагах. Гэль Альфред де Лороки. Никак не могу найти о нем что-либо.

Мама подняла на меня взгляд, в котором мгновенно вспыхнул профессиональный интерес историка.

— Де Лороки? — её голос стал тише, а палец непроизвольно постучал по столу.

— G. A. de L.... Сынок, если это тот, о ком я думаю, то в официальных реестрах его нет. Только в сводках... тайной канцелярии. И в одном частном письме Орловых-Чесменских, которое я видела лет тридцать назад. Его называли «патриотом без отечества». Или аферистом.

Она за одну ночь составила для меня список: отделы в Национальных архивах, номера фондов, ключевые слова для поиска. Её старые связи должны были помочь получить доступ быстрее.

Следующие несколько дней пролетели в лихорадочных сборах. Была только одна загвоздка — родители. Им нужна была понятная, железобетонная причина моего срочного отъезда. Я позвонил отцу.

— Пап, всё в порядке. Меня Витька в Прагу на три дня позвал, на матч Лиги чемпионов. Билеты уже куплены.

В голосе отца тут же появились нотки лёгкой зависти и полного понимания. Идеальная мужская отмазка.

— Ну, смотри там не проспи игру. Держи нас в курсе.

С сыновьями было проще. Старший только прищурился,

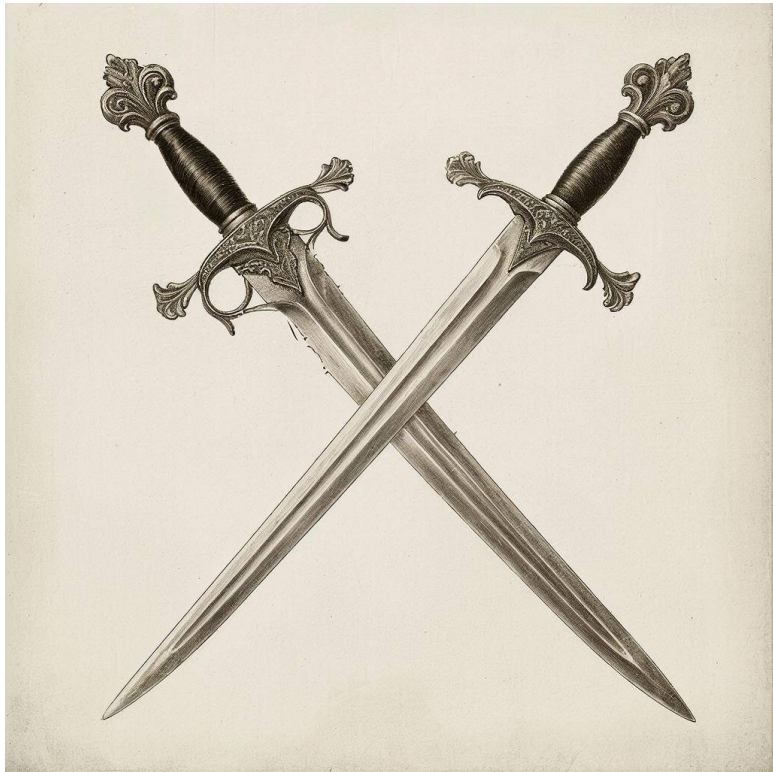
когда я сказал, что еду «поработать над историей вживую».

— В архив, пап? — уточнил он.— В архив, — кивнул я.

— В архив, — кивнул я.

— Окей. Будь осторожен. И пиши, если что. Больше вопросов не было.

Я купил билет не в Прагу, а в Париж. Самолёт, метро, дешёвый отель у вокзала — всё слилось в одно смутное пятно. Я был на автопилоте. Настоящая жизнь началась у тяжёлых дверей архива на улице Субиза.

ЧАСТЬ II: СЛЕД

Глава 4. Париж. Архив и дозорный

Архив пах временем. Не пылью, а именно временем — спрессованным, тяжелым, осязаемым. Сотни тысяч папок, свитков и дел лежали в стерильном холоде хранилища, без-

молвный крик ушедших эпох.

Читальный зал был залит холодным светом неоновых ламп. Я сидел и чувствовал себя браконьером, пришедшим на чужую охоту. Я не был историком. Мои запросы были смутны и интуитивны, основаны на снах и видениях.

Скептически настроенный архивариус вручил мне первую папку. Его звали мсье Леклерк. Пожилой с седыми, идеально подстриженными бачками и руками, которые бережно, как живую ткань, перелистывали страницы. Когда я назвал фонд и годы — «Дела Тайного королевского казначейства, 1718-1722» — его пальцы на секунду замерли на клавиатуре. Он поднял на меня взгляд. Его глаза были цвета выцветшей стали.

— Эпоха Регентства. Любопытный выбор. Эти документы считаются техническими. Бухгалтерия краха.

— Меня интересует именно крах, — как можно нейтральнее ответил я.

— *Bien sûr*, (Безусловно) — тихо сказал он, и его взгляд скользнул по моим рукам, по простому блокноту, будто оценивая не запрос, а меня самого.

— Папка будет готова через двадцать минут.

Когда он принёс тяжёлый картонный короб, его палец на мгновение задержался на крышке, постукивая по ней едва слышно, но ритмично. Он не сказал больше ни слова, но его присутствие вдруг стало ощутимым, как тихий сквозняк в тёплой комнате.

Я листал пожелтевшие листы, испещренные выцветшими чернилами. Цифры, отчеты, расписки. Мир состоял из бухгалтерии и скуки. Я почти начал засыпать, когда мои пальцы наткнулись на что-то иное.

Это был не официальный документ. Это была частная расписка о займе, прикрепленная к отчету.

И в углу стояла печать.

Мое сердце пропустило удар, а затем заколотилось с бешеной силой. Я знал этот контур. Я носил его на своем пальце семнадцать лет.

Я достал из кармана перстень и поднес его к оттиску на бумаге. Линии совпали идеально. Треугольный щит. Ворон с хищным клювом.

Я сидел, не дыша, вжимаясь в кресло. Это была /не случайность. Это было подтверждение. Призрак из моего сна оставил свой след в официальных бумагах Франции.

И в этот момент я увидел его. Рядом с печатью, каллиграфическим почерком, было выведено имя кредитора. Не полное. Лишь инициалы, но их было достаточно, чтобы мир вокруг поплыл.

G. A. de L.

Всё в той же папке я нашёл и другой, «мутный» документ — не официальный отчёт, а что-то вроде частной бухгалтерской книги. Бумага потемнела, чернила выцвели. Но в углу листов, будто кровотока, снова стояли оттиски знакомой печати. Ворон на щите. Рядом — те же инициалы: G. A. de L., а

в столбцах — баснословные, астрономические для того времени суммы и пометки на полях, сделанные другим почерком: «Миссисипи», «компания», «перевод в Лондон».

Это была улика. Прямая связка между печатью Лороки и пузырьём Джона Ло.

Я украдкой огляделся. Никто не смотрел. Достал телефон. Щелчок. Вспышка на секунду озарила стол, но я сделал вид, что проверяю сообщение. Щелчок. Щелчок.

Я фотографировал не только те листы, но и обложки папок, номера дел — всё, что могло помочь восстановить путь. Адреналин был сладким и горьким на вкус. Я чувствовал себя шпионом, который только что добыл секретную плёнку.

Позже, когда я уходил, я обернулся. Мсье Леклерк стоял у своего стола, держа трубку стационарного телефона. Он не говорил, а слушал, устремив на меня тот же бесстрастный, аналитический взгляд. Он мягко положил трубку, его палец на секунду задержался на рычаге, будто размыкая цепь. Затем он кивнул мне на прощание. Это был не дружеский жест. Это была отметка в журнале. «Объект номер такой-то проявил интерес к фонду X и удалился».

Я тогда отогнал ощущение. Зря.

Вернувшись в гостиницу, я, не откладывая, скинул снимки маме. Её ответ пришёл глубокой ночью.

«Сынок. Это больше, чем мы думали. “De L.” — это не просто инициалы. В одном из документов я разглядела полную запись: “Pour S.A.R. le Prince A., par les soins de G. A.

de L.” (“Для Его Королевского Высочества Принца А., через заботы Г.А. де Л.”).

В контексте дат и сумм...этот “Принц А.” — с очень высокой вероятностью, принц из изгнанной британской династии Стюартов. Твой Лороки крутил миллионы французской “Системы Ло” под предлогом финансирования тайного заговора якобитов. А якобитов тогда, в пикну Англии, мощно поддерживал сам Пётр I. Официально золото шло якобы на закупку кораблей для английского принца-претендента, а неофициально, через заботы де Лороки, перенаправлялось в Петербург. Деньги уходили в Россию».

Ледяная волна пробежала по спине. Париж внезапно стал лишь перевалочным пунктом. Пазл складывался в узор, от которого становилось тесно. Французская афера, британский принц, русский двор...и в центре паутины — призрачный Гэль Альфред де Лороки.

Я вышел на крошечный балкончик отеля, закурил. Дождь только прекратился, асфальт блестел под жёлтыми фонарями. Великолепие Парижа выцвело. Оно не исчезло — оно устало. От миллионов камер, от самокатов, стучащих по брусчатке.

Именно это заставило что-то щёлкнуть. Эта усталость была обманчива. Такой же обманчивой, как и расписки в архиве. Под тонким слоем современной пошлости город хранил свою истинную суть — тёмную, сложную, кровавую. Ту, в которой рождались аферы вроде «Системы Ло», ту, где та-

кие люди, как Лороки, могли вести свою тайную бухгалтерию между жизнью и смертью.

Я смотрел на огни и видел не романтику, а поле битвы. Поле, на котором когда-то сражались призраки. И один из этих призраков только что потянул меня за собой.

Я достал телефон, стёр в нём следы сообщений матери и открыл приложение авиакомпаний. В поле «назначение» вбил три буквы: LED. Санкт-Петербург.

Билет на рейс завтрашним вечером я купил, стоя на этом балконе, глядя на уставший, но всё ещё опасный город.

Глава 5. Петербург

Следующая остановка — архив Министерства финансов Российской империи. Или то, что от него осталось. Мне предстояло искать следы в городе, который, в отличие от Парижа, не просто устал. Он, как и моя история, был полон

призраков, жаждущих воскрешения.

Перелёт, гостиница, три чашки крепчайшего кофе — и вот я в святая святых, в Российском государственном архиве древних актов. Запрос был сформулирован благодаря маме: «Деловая и личная переписка лиц, связанных с финансовыми операциями между Французским и Российским дворами в период 1715-1725 гг.».

Папки были другими. Тяжелее, пахли иначе — не парижской пылью, а русской сыростью и старой кожей. Листал я их до вечера, пока глаза не начали слипаться.

И нашёл не бухгалтерию. Я нашёл письма.

Не официальные депеши, а личные, написанные на тонкой бумаге, почти прозрачной. Их автор, судя по всему, русский резидент в Париже, обращался к некоему высокопоставленному лицу в Петербурге.

И в каждом втором письме, в контексте отчётов о «Системе Ло», мелькало одно имя — «наш добрый друг Л.» или «агент Ворон».

«...Л. подтверждает: крах неминуем. Золото, внесённое нашими купцами в Banque Royale, будет объявлено “вражескими активами” и конфисковано указом Регента. Л. предлагает ход, достойный шахматной партии: мы не выводим средства. Мы их... переоформляем. Через цепочку подставных лиц из нейтральных стран и под залог никому не ведомых активов. Если схема сработает, французы конфискуют пустые счета. А реальное золото останется за нами.

Он называет это “финансовой иллюзией”. Риск велик, но альтернатива — потеря всего...»

Я фотографировал страницу за страницей, ощущение было сюрреалистичное. Я читал протокол рождения первой в мире операции по сокрытию активов от санкций. Разработанной Гэлем Альфредом де Лороки. Для России.

Когда архивы закрылись, я еле держался на ногах. Вернулся в номер, заказал в бар что-то крепкое, и только тогда меня накрыло.

Я не просто узнал историю. Я её почувствовал. Будто мой мозг, перегруженный символами и фактами, наконец-то сложил пазл.

Я рухнул на кровать и провалился в сон, который не был сном. Это был документальный фильм, который мне показывали изнутри.

Глава 6. Лороки

Я видел кабинет при свечах. За столом — человек в парике, его лица не разобрать в тенях, но я знал, что это он. Лороки. В воздухе стоял запах, которого не было в моём номере — воска, старой бумаги и чего-то горького, вроде полыни. Он что-то быстро пишет, потом срывает с пальца перстень и прижимает печатку к сургучу на конверте. Щелчок. Печать с вороном.

Затем — быстрая смена кадров. Тёмная набережная Невы. Тот же конверт передаётся из рук в руки. Русская речь. Кивок. Потом — Париж, лихорадочные лица маклеров, горы

бумаг. И сквозь всё это, как лейтмотив, — холодящий ужас от осознания: за этим следят. Игра идёт на выбывание.

Я проснулся посреди ночи. Сердце колотилось, в горле пересохло. Я сел на кровати в тёмном номере отеля в Петербурге и понял всё.

Лороки не был ни французским аристократом, ни британским шпионом в чистом виде. Он был русским «агентом влияния» высочайшего класса. Внедрённым в самое сердце французской финансовой системы, чтобы не украсть секреты, а манипулировать самой системой.

Он не предотвратил аферу Ло. Он возглавил её международное направление, чтобы под шумок «мыльного пузыря» создать для России неуязвимую финансовую сеть. Сеть, которую нельзя было отследить или арестовать. Сеть, которая работала по принципу миражей.

Перстень с вороном был не украшением. Это был опознавательный знак для своей агентуры и шифровальный ключ для счетов одновременно.

И самое главное — я теперь был абсолютно уверен. Эта сеть... не была ликвидирована. После смерти Лороки её не раскрыли. Её законсервировали. Схема просто уснула, как спящая ячейка, до востребования. А ключом к её пробуждению был алгоритм, завязанный на фамильный герб и цифры на том самом перстне.

Он выбрал меня не потому, что я его потомок.

Он выбрал меня, потому что я оказался подходящим опе-

ратором. Человеком, который сможет увидеть картину целиком и, возможно, будет вынужден повторить его ход.

Я встал, подошёл к окну. Петербург, город призраков и белых ночей, смотрел на меня тысячами тусклых огней. Где-то здесь, в его архивной памяти или в граните его банков, до сих пор дышала та финансовая химера, созданная триста лет назад.

И теперь я знал её истинное имя. Это была не афера. Это была «Операция “Ворон”».

И я, сам того не желая, только что получил в ней роль главного исполнителя.

Но одного звена всё равно не хватало. Почему? Зачем русскому резиденту такой сложный, гениальный план? Чтобы спасти деньги купцов?

Не верю. Для этого не нужен гений уровня Лороки.

Тут был другой масштаб. Другой заказчик.

Я включил свет, схватил блокнот и начал снова выписывать даты, сцепляя их, как шестерёнки.

1717 год. Пётр I находится во Франции с визитом. Он встречается с Регентом Филиппом Орлеанским, осматривает страну. Что если именно тогда, в версальских коридорах или в парижских салонах, царь-реформатор, одержимый идеей модернизации России, услышал о молодом, невероятно одарённом финансовом стратеге с тёмным прошлым и без четкой национальной принадлежности?

Гэль Альфред де Лороки. Смесь шотландца, француза и

бога знает кого ещё. Человек без флага. Идеальный агент для человека, который рубил окно в Европу.

Мой мозг дорисовал картину, которую не смогли дать архивы.

Кабинет где-то в Париже. Не царский, а деловой. Пётр, в простом кафтане, без парика, пристально смотрит на молодого человека. Не как монарх на подданного, а как гений на гения. Он только что выслушал получасовой анализ «Системы Ло».

— Ты говоришь, это мыльный пузырь?

— Не просто пузырь, Ваше Величество. Это оружие. Которым можно разорить страну, а можно... обогатиться, оставаясь в тени. Пётр хмыкает. Ему не нужны пустые разговоры.

— Мне нужны деньги на войну. И нужно, чтобы деньги моих купцов в Европе были в безопасности. Можешь сделать так, чтобы этот «пузырь» лопнул пользу России? Лордки молча кивает. В его глазах — не раболепие, а азарт шахматиста, получившего самую сложную партию в жизни.

— Могу. Но для этого мне нужно быть не вашим агентом, Ваше Величество. Мне нужно быть их своим. Доверенным лицом Ло. Я должен возглавить ту самую воронку, которая будет выкачивать деньги со всей Европы... и направлять часть потока в нужное вам русло. Пётр медленно улыбается. Эта дерзость, этот размах — ему по душе.

— Делай. Дам тебе людей для связи, канал. Но если обманешь...

— Если обману, меня убьют свои же, — спокойно завершает Лороки. — В этой игре ставка — жизнь. Я это понимаю.

И тут всё встало на свои места. Лороки не был «русским шпионом» в классическом смысле.

Он был стратегическим активом, лично завербованным Петром. Его миссия была не в сборе информации, а в управлении финансовыми процессами враждебной державы в интересах России. Он создал для Петра то, что сегодня назвали бы офшорной схемой XVIII века, защищённой от любых конфискаций.

Перстень с вороном был не просто печатью. Это был знак доверия Петра. Может, даже личный подарок царя, переделанный из какой-нибудь награды. «Ворон», ворующий золо-

то для российского орла.

И тогда пришла последняя, ошеломляющая мысль. Если эту схему курировал лично Пётр... то после его смерти в 1725 году её должны были унаследовать.

Не частные лица. Государство.

Но государства — не люди. Они живут по своим, циклическим законам. Мозг, перегретый бессонницей и открытием, выдал последнее, решающее уравнение.

1725 год. Смерть Петра. Схема законсервирована.

2025 год. Настоящее. 300-летний юбилей.

Триста лет. Круглая дата не только в календаре. Срок, за который империи рождаются и умирают. Срок рассекречивания архивов. Срок, на который могли завести механизм, чтобы он тикал в беззвучии истории, пока не наступит его время.

«Операция "Ворон"» не просто сохранилась. Она была запрограммирована на пробуждение. Как часовой механизм, заведённый на три столетия. Возможно, в её условиях было прописано: «В случае крайней угрозы российским активам за рубежом, или по истечении 300 лет, начать процедуру активации наследственного оператора».

Меня разыскали не случайно. Меня вычислили по таймеру. Сигнал «Кабо-Верде» пять лет назад — это мог быть первый, тестовый «пробный звонок» системы.

А имя «Гэль Альфред де Лороки», пришедшее в 2025-м — это уже полноценный сигнал тревоги, автоматическое

срабатывание будильника, встроенного в историю.

Перстень ждал не меня лично. Он ждал момента. 2025-го года. Человека, который окажется достаточно восприимчив, чтобы получить сигнал, и достаточно упрям, чтобы начать поиск.

Я посмотрел на перстень, лежавший на столе. Он больше не казался просто куском металла. Он был детонатором. Часовым механизмом, тикавшим в моей шкатулке все эти годы, чтобы взорвать мою привычную жизнь именно сейчас. В год трёхсотлетия со дня смерти императора, который всё это затеял.

И в этот момент, будто подтверждая мою догадку, в тишине номера раздался тихий, но чёткий стук в дверь.

Не горничной. Не случайный. Три отрывистых, равных удара, отмеренных с холодной точностью. Стук. Стук. Стук.

Словно отзвук отсчитавших триста лет часов.

Глава 7. Особняк. Вербовка

Звук был твёрдым, без суеты, словно стучали не костяшками пальцев, а отполированным деревом трости. Я взглянул на дверь. Через глазок — искажённый коридор и мужская фигура. Не менеджер отеля. Не полиция.

Я открыл. На пороге стоял старик. Не «пожилой человек» — именно старик, возраст которого было невозможно определить: могло быть семьдесят, а могло и девяносто. Лицо — сеть глубоких, но чётких морщин, будто карта местности, которую он знает наизусть. Седые волосы, коротко стрижен-

ные, прямой, без сутулости стан в тёмном, безупречно сидящем пальто старомодного кроя. Но главное — взгляд. Светло-серые, почти прозрачные глаза смотрели не на меня, а сквозь меня, мгновенно производя инвентаризацию, оценку, сверку с неведомым досье. В его опущенной руке была простая трость с набалдашником из тёмного, отполированного до блеска камня.

— Одевайтесь, — сказал он. Голос был низким, безэмоциональным, безо всякого «здравствуйте» или «извините за беспокойство». — С вами хотят поговорить.

И в этой фразе не было угрозы. Была констатация факта, не терпящего обсуждения. Я не спросил «кто вы?» или «по какому вопросу?». Ответ был в его осанке и в этом взгляде. Человек из системы. Из той самой системы.

Я молча натянул куртку.

Мы ехали на чёрном, неброском автомобиле в полной тишине. Старик, представившийся просто «Александром Сергеевичем», не проронил ни слова. Машина миновала парадный центр и углубилась в каменные джунгли Петроградской стороны, свернула на одну из тихих, плохо освещённых улиц, и остановилась у высоких, слепых ворот в глухой кирпичной стене.

Ворота бесшумно разъехались. За ними — узкий двор-колодец, вымощенный булыжником, и главное — особняк. Не огромный дворец, а именно старый, трёхэтажный, в стиле позднего классицизма особняк какого-нибудь древнего кня-

жеского рода. Жёлтая штукатурка, колонны у входа, затейливая лепнина под карнизом. Он казался нежилым, законсервированным во времени. Свет горел только в двух окнах на втором этаже, и его холодный, ровный отблеск на мокром булыжнике казался неестественным, как свет в аквариуме.

Внутри пахло воском для паркета, старыми книгами и холодом. Интерьер был аутентичным: тяжёлая мебель, портреты неизвестных генералов и дам в золочёных рамах, высокие зеркала в потускневших рамках. Но сквозь эту историческую декорацию проступали современные нервные окончания системы: почти невидимые датчики в углах потолочной лепнины, матовая панель лифта, бесшумно открывшаяся в стене, ведущая наверх.

Кабинет на втором этаже был другим. Здесь история существовала с функцией. Роскошный камин из серого мрамора (недействующий), огромный дубовый стол, заваленный современными ноутбуками и стопками бумаг, и — целая стена из мониторов, на которых в режиме реального времени сменялись графики, карты и новостные ленты. За столом сидел другой человек — лет пятидесяти, в строгом костюме без галстука, с внимательным, усталым лицом профессионала.

Его представили как «Алексея».

— Садитесь, — сказал Алексей, жестом указывая на кресло. Его голос был спокойным, деловым. — Мы вас знаем. Довольно давно.

Он открыл тонкую папку на столе. Я мельком увидел зна-

комые данные: мое старое место работы, должность.

— В 2014 году вам, ещё работая в правительстве региона, намекали на сотрудничество. Вы отказались. Формально. Но затем, — Алексей перелистнул страницу, — вам всё-таки доверили закрытую базу по депутатскому корпусу и кандидатам для стратегического анализа. Вы сделали его. Без дураков. Потом были ещё отчёты. По деятельности комитета по национальной политике. Вы показывали реальную картину, а не отлакированные отписки. Мы это ценим.

Я онемел. Эти эпизоды из моей прошлой жизни, которые я считал локальными, почти случайными, лежали здесь, в папке, как пункты досье.

— Вы умеете видеть суть за бумагами. В системе, построенной на взаимном недоверии, слепой исполнитель — уязвимость. Нам нужен не солдат, а стратег, который понимает правила игры достаточно хорошо, чтобы их менять. Ваш отказ тогда показал, что вы не купитесь на мелкую наживку. А ваши отчёты — что вы видите механику власти. Для «Ворона» это и есть профиль идеального оператора. У вас есть чутьё на ложь в данных, — продолжил Алексей. — И у вас есть... редкая восприимчивость к информации, которая не лежит на поверхности. Ваша история с Кабо-Верде тоже у нас есть. Мы рассматривали её не как курьёз, а как аномалию восприятия. Как признак латентного оператора.

Старик, Александр Сергеевич, стоявший у камина, наконец заговорил, не оборачиваясь:

— Система Петра и Лороки была рассчитана не на слепых исполнителей. Она была рассчитана на аналитиков с интуицией. На людей, которые могут соединять разрозненные точки в картину. Вы прошли проверку не нами. Вы прошли проверку самой жизнью. Отказ от формального сотрудничества тогда — только подтвердил вашу независимость мышления.

А последующая работа — вашу ответственность и умение хранить тайны. Алексей закрыл папку.

— Мы не предлагаем вам работу. Мы предлагаем вам миссию. Продолжить дело, начатое триста лет назад. Вы уже в процессе. Мы лишь помогаем с контекстом и ресурсами. Перстень, — он кивнул на мою руку, — это не просто ключ. Это идентификатор оператора сети «Ворон». Ваш предшественник, Гэль Альфред, был первым. Вы — следующий в этой цепи. Ваша задача — не шпионить. Ваша задача — управлять активацией и перенастройкой той самой финансовой сети в новых условиях. И первый шаг — встреча с теми, кто курирует её со стороны внешней разведки.

Они ждут.

Он встал и подошёл к одной из панелей на стене. Легкое движение руки — и часть книжного шкафа бесшумно отъехала в сторону, открывая проход в соседнее, высокотехнологичное помещение, где за столом переговоров уже сидели двое людей в строгой гражданской одежде.

Мой старый отчёт по депутатам, мои тайные анализы, моё увольнение... Всё это было не случайностью. Это были неза-

метные экзамены.

И я, сам того не ведая, сдал их на отлично.

Алексей сделал короткую паузу, давая мне осознать масштаб сказанного, а затем продолжил. Его тон оставался аналитическим, без эмоций.

— Вы приехали из Парижа с фотографиями. Мы их видели. Оттиск печати G. A. de L. на расписках Казначейства и связь с переводами по «делу Миссисипи» — это ключевое звено. Но для нас важнее не то, что вы нашли, а то, что вы из этого сложили.

Он отодвинул папку с моим досье и придвинул чистый лист бумаги, словно предлагая мне самому изложить картину.

— Итак, что вы узнали? И что ваш мозг, с его уникальной... восприимчивостью, генерирует сейчас? Мы не просто проверяем факты. Мы оцениваем качество вашего анализа и глубину выводов. Это и есть ваш главный актив.

Глава 8. Операция «Ворон». Код

Я глубоко вдохнул, почувствовав, как разрозненные обрывки в голове начинают выстраиваться в единый доклад. Я говорил не как испуганный обыватель, а как аналитик, докладывающий заказчику.

— Я узнал, что Гэль Альфред де Лороки был не мистическим призраком, а реальным оператором финансовой разведки. Внедрённым в систему Джона Ло, вероятно, по личному заданию Петра I. Его задача была не саботировать аферу, а возглавить и перенаправить её часть. Я нашёл материальное подтверждение: печать, связывающую его с переводом гигантских сумм.

Алексей кивнул, побуждая продолжать.

— Но архивы дали лишь кости скелета. Мой мозг... генерирует плоть. Вот моя текущая гипотеза, — я сделал паузу, глядя в нейтральные лица слушателей. — Лороки создал не канал для вывода денег. Он создал прецедент и инструмент.

Я поднял палец, отмечая первый пункт.

— Во-первых, прецедент «замороженных /конфискованных активов». Он спровоцировал или использовал готовящуюся конфискацию иностранных вкладов после краха «Системы Ло». Он показал, что такое возможно. И он же создал первый работающий алгоритм, как от этого защититься — через цепочки подставных лиц, переоформление и создание «финансовых миражей». Второй палец.

— Во-вторых, инструмент — параллельная учётная система. Она существовала вне официальных банковских книг. Её ключом были не цифры, а символы: герб, печать, личный знак оператора. Это была сеть доверия, а не сеть счетов. Я сжал руку в кулак.

— И вот что я генерирую сейчас, глядя на 2025 год. Ис-

тория повторяется, но на новом витке.

300 миллиардов, «замороженных» сегодня, — это не провал. Это сознательная репликация схемы Лороки в государственном масштабе. Это громкий, публичный спектакль конфискации, который Запад разыгрывает, разрушая свои же священные принципы. Мы позволили это сделать, чтобы нанести им стратегический репутационный удар. Я посмотрел прямо на Алексея.

— Но, как и во времена Лороки, громкий крах — прикрытие для тихой ротации. Пока все следят за этими 300 миллиардами, реальные активы, связи и финансовые инструменты давно эволюционировали во что-то иное. В распределённые криптографические протоколы, в обязательства, обеспеченные ресурсами, в неучтённые цепочки поставок. Видимая часть айсберга принесена в жертву, чтобы скрыть его невидимую, куда более массивную основу.

В комнате повисла тишина. Старик у камина медленно кивнул, будто подтверждая ход моих мыслей. Алексей откинулся в кресле, его усталое лицо тронула едва заметная, одобрительная улыбка.

— Вы подтверждаете наши расчёты, — сказал он тихо. — Вы видите не разрозненные факты, а паттерн. Петровский замысел, гений Лороки, проверка 2012 года, ваша аномальная восприимчивость, синхронизация по 300-летнему циклу... Всё это — элементы одной программы. Вы не нашли старую тайну. Вы активировались как её живое продолже-

ние. Ваш мозг — это интерфейс для запуска следующей фазы «Операции "Ворон"».

Он жестом пригласил двух людей из соседней комнаты.

— А теперь, — сказал Алексей, — познакомьтесь с кураторами. Пора переходить от анализа к практике. Первая задача: используя ключ с перстня (дату 1750), идентифицировать и «пробудить» первый спящий узел современной сети. Он, по нашим данным, связан с одним частным банком в Цюрихе, который когда-то обслуживал вдову принца Альфреда, великую княжну Марию Александровну. Это будет ваш первый тест в роли оператора.

Меня не завербовывали. Мне вручали шифр к реальности, которую я уже начал разгадывать. Игра началась по-настоящему.

Старик замер. Его взгляд, до этого оценивающий, стал пристальным. В нём читалось уважение к нестандартному ходу.

— По алфавиту? — переспросил он.

— Объясните.

— Дата 1750 — это слишком просто, — сказал я увереннее, чувствуя, что нащупал нерв.

— Это публичная метка, как год на фасаде здания.

Но Лороки был не строителем, он был шифровальщиком. И он зашифровал себя в самом главном — в своём имени. Gael Alfred de Loroky.

Я подошёл к окну... — Все великие шифры его эпохи, —

начал я, собирая мысли, так или иначе работали с алфавитом как с фундаментом. Атбаш — это зеркало. Цезарь — сдвиг. Виженер — ключевое слово.

У Лороки было и то, и другое, и третье: его имя — ключ, а дата — сдвиг или модулятор. Значит, алгоритм где-то на их стыке.

— Он не случайный аристократ. Он — конструкт. «Гэль» — связь с кельтами, с тайными знаниями, с «иным». «Альфред» — имя королей, законности, порядка. «Де Лороки» — французская аристократическая форма, доступ в высший свет.

Всё имя — это легенда, собранная из нужных деталей.

И она же — его главный шифр.

Я повернулся к ним.

— В классических шифрах, как шифр Виженера, ключом является кодовое слово. Его полное имя и есть то самое кодовое слово. Но чтобы получить цифровой ключ, нужно привести буквы к числам. По алфавиту. $A=1$, $B=2$... $Z=26$. Или, что более вероятно для XVIII века, с учётом латыни и нумерологии — $A=0$, $B=1$...

Алексей молча достал блокнот и ручку, готовясь записывать.

— Возьмём стандарт $A=1$, — продолжил я, диктуя. — GAEL ALFRED DE LOROKY. Игнорируем пробелы и «de» как служебную частицу. Получаем последовательность цифр для букв. Но этого мало. Это лишь первый слой. Второй слой

— дата 1750. Она не ключ, а модулятор или индекс смещения. Например, нужно сложить цифровые значения букв с цифрами даты циклически. Или использовать 1750 как номер страницы в шифровальной книге, где прописано истинное правило.

Я подошёл к столу и взял перстень.

— Сам перстень — физический токен, который нужно предъявить. Дата на нём (1750) — публичный идентификатор для системы. А его полное имя, преобразованное по тайному правилу (которое, возможно, знала только его личная связка в России — тот, кому он отправлял донесения), — это и есть пароль для входа. Ключ не в том, что 1750, а в том, как использовать имя «Гэль Альфред де Лороки» в связке с этой цифрой.

В комнате повисла тишина, которую нарушил только скрип пера Алексея, выводящего формулы.

Один из разведчиков, до этого бесстрастный, медленно кивнул.

— Это... согласуется с нашей рабочей гипотезой, — сказал он сдержанно.

— В одном из писем Петру была фраза: «...ключ к его сердцу лежит в имени, данном ему при рождении и при крещении». Мы считали это метафорой верности.

Вы предлагаете буквальную, криптографическую трактовку.

Старик снова хлопнул в ладоши. Один раз.

— Отлично. Вы подтверждаете, что ваше мышление работает в правильной парадигме.

Вы мыслите категориями системы и кода, а не случайных находок.

Он сделал паузу.

— Итак, задание уточняется. В Цюрихе, в банке «Хандлсбанк», есть сейф на имя фонда «Vogelwarte 1750» («Орнитологическая станция 1750»). Сейфовый ящик имеет клавиатуру для цифрового кода. Стандартная процедура требует ввода двух факторов: физического ключа-печатки (ваш перстень) и цифрового кода. Он посмотрел на меня. — 1750 мы знаем.

Это первый фактор или его часть. Второй фактор, цифровой код, по вашей версии, должен быть производным от GAELALFREDLOROKY. Ваша задача до вылета — определить алгоритм преобразования. Используйте все ресурсы, которые мы предоставим: историков-криптографов, вычислительные мощности.

Но финальное решение, последний шаг в алгоритме, должен сделать ваш мозг. Потому что система, возможно, ждёт не просто цифры. Она ждёт узнавания. Как вы узнали. Алексей закрыл блокнот.

— Самолёт в Цюрих завтра в 07:30. У вас есть ночь на то, чтобы найти ключ к самому себе. Вернее, к тому, кого вы теперь в себе носите. Удачи, Гэль Альфред.

Это уже была не проверка. Это было посвящение. И ключ

лежал не в сейфе, а в моём собственном сознании, в том, как оно было настроено загадкой трёхсотлетней давности.

Алексей кивнул в сторону удобного, но строгого кожаного кресла у камина.

— Переночуете здесь. За вами присмотрят.

В этой фразе не было гостеприимства. Это был мягкий, но неоспоримый арест в условиях комфорта. Дверь за ними закрылась, я услышал тихий, но чёткий щелчок замка.

Я валился с ног. Я опустилсЯ в кресло, и старая боль в спине, нажитая за днями в архивах, тупо напомнила о себе, контрастируя с мягкой кожей. Но сон был невозможен. Задача висела в воздухе, как нерешенное уравнение, жгущее изнутри.

Я взял со стола толстый блокнот и уселся в то самое кресло. Кожа была холодной. Я вытянул ноги, стараясь разгрузить спину, и уставился на чистый лист.

В голове был хаос: буквы, цифры, лица архивистов, оттиск печати, холодные глаза «Александра Сергеевича».

Нужен был алгоритм. Система. Паттерн.

Лороки был не сумасшедшим, а архитектором.

Он строил. Что он использовал? Я перебирал в памяти обрывки знаний: шифр Цезаря, Атбаш, Виженер, книжный шифр... Всё было слишком обще, слишком известно. Он бы так не стал. Он создал бы что-то своё. Что-то, что будет связано лично с ним и с его миссией.

И тогда меня осенило. Петровская эпоха. Цифры. Пётр

ввёл в России арабские цифры, но сам в переписке часто использовал кириллическую цифирь, где буквы означали числа. А что, если Лороки, работая на Петра, использовал гибрида? Латинские буквы своего имени, но через призму славянской нумерологии? Это было бы гениально — сплав его личности и его службы.

Я начал лихорадочно писать, игнорируя боль.

Вариант 1: «Петровский шифр» (основной, на него была большая ставка). Берем имя GAELALFREDLOROKY. Отбрасываем «de» — служебную частицу. Остаётся GAELALFRED LOROKY. Преобразуем каждую букву в число по латинскому алфавиту (A=1). Но! Ключевая гипотеза: Лороки знал про кириллическую цифирь.

В ней, например, буква «А» (аз) означала 1, «Л» (люди) — 30, «Р» (рцы) — 100. Что, если он мысленно переводил латинские буквы в фонетически или символически близкие кириллические, а уже потом брал их числовое значение? Например, латинское L — это кириллическое «Л» (30), R — «Р» (100). Это давало бы совершенно другую, гораздо более крупную и «царскую» последовательность чисел, связанную с русским двором. Далее — дата 1750. Её можно использовать как модулятор не для сложения, а для выбора. Разбиваем число: 17 и 50. Правило: из числовой последовательности имени берем каждую 17-ю цифру (по модулю длины), а затем к результату прибавляем 50. Получаем уникальный, нелинейный ключ, который невозможно взять простым пе-

ребором.

Я записал эту схему, выводя расчёты. Получалась длинная, но красивая цепочка. Это был ключ государственного масштаба, связанный с тайной миссией.

Но мозг, работая на пределе, выдал второй вариант. Более простой, более личный и оттого, возможно, более верный.

Вариант 2: «Шифр Основания» (запасной, но интуитивно цепляющий). Лороки создавал всё с нуля. «Основание» — это алфавит. В его время в ходу был классический латинский из 23 букв (без J, U, W). Что, если использовать этот древний алфавит для шифра? Имя GAELALFREDLOROKY в таком алфавите давало другую числовую последовательность (G=7, A=1, E=5, но L=11, так как после K шло L...). А дальше — самое изящное. Дата 1750. Что, если это не год, а параметр шифра? Например, 17 — это шаг сдвига для шифра Цезаря, а 50 — основание модульной арифметики. Или наоборот: разбить имя на блоки по 17 букв (оно длиннее, значит, будет один полный блок и остаток) и к числовому значению каждого блока применить операцию по модулю 50. Этот вариант был более математически чистым. Он пахнул не дворцом, а тихим кабинетом учёного-криптографа. Таким, каким, возможно, и был Лороки в душе.

Я записал оба варианта, их формулы и первые несколько шагов расчёта. Два разных ключа. Два разных портрета Лороки: Государственник и Гений-одиночка.

Руки дрожали от усталости. Спина горела. Я откинулся на

спинку кресла и закрыл глаза. Перед глазами плясали цифры и буквы. Какой из вариантов правильный? Узнать можно было только там, в Цюрихе, предъявив системе свою догадку.

Я не заметил, как провалился в короткий, тревожный сон, где мне снились бесконечные коридоры, на стенах которых были выложены не обои, а бесконечные числовые последовательности. А где-то в их глубине, у самого основания, мерцала надпись: «Ключ — в выборе. Выбери меня».

Глава 9. Легенда

Оба варианта лежали в блокноте, прижатом к груди. Завтра предстояло решить, кем был Лороки на самом деле — и, возможно, кем стал я.

Когда утром я вышел в прихожую, там уже ждали. Не группа сопровождения, а только один старик — тот самый, Александр Сергеевич. В его присутствии было что-то от проводника в иной мир.

— Алексей просил передать, — его низкий голос нарушил тишину холла. Он протянул мне не смартфон, а старый кнопочный телефон, облезлый, но с целым экраном.

— Он заряжен. На нём один номер. Пользуйтесь им только по назначению. Билет и документы.

Я молча взял телефон. Грузовик в кармане, весом в прошлое десятилетие. В нём было что-то надёжное и зловещее одновременно.

Машины с тонированными стёклами у особняка не было. Старик молча вывел меня на улицу, поднял руку, и к обочине

сразу, будто из ниоткуда, подкатило обычное такси — серого цвета, самый невзрачный автомобиль в мире.

Я сел на заднее сиденье. Старик кивнул мне в прощальное напутствие и не стал садиться. Такси тронулось.

Водитель. Молодой, спортивного сложения, в простой чёрной куртке. Он не обернулся, не спросил «куда едем?». Он просто молча повёз. Но это было не молчание скучающего таксиста. Это была сосредоточенная, плотная тишина человека, который контролирует ситуацию. Его взгляд в зеркало заднего вида был не случайным — он был оценочным, сканирующим. Он следил не только за дорогой.

Он следил за мной. И я понял — это был не просто водитель. Это был телохранитель, оперативник и, вероятно, первый контролёр в этой цепочке. Машина, скорее всего, была «своей» — чистой, быстрой и ничем не примечательной.

Мы ехали в аэропорт, и я чувствовал себя не пассажиром, а грузом, который перевозят по утверждённому маршруту. Обыденность происходящего — такси, пробки, утренний Петербург — лишь подчёркивала сюрреализм миссии. Самая большая тайна империи путешествовала на заднем сиденье такси в сопровождении молчаливого оперативника. Это отрезвляло. Никакого пафоса. Только дело.

Именно в этой машине, под приглушённый шум двигателя и взгляды «водителя», я снова полез в блокнот. Спокойная, почти медитативная обстановка вынужденного бездействия позволила мыслям встать в строй. Два варианта шиф-

ра, рождённые ночью, теперь казались не абстракциями, а инструментами, которые скоро предстоит испытать.

Я спрятал блокнот и стал наблюдать за городом, который проплывал за стеклом, как чужой. Водитель трижды сменил маршрут, избегая пробок, с холодной эффективностью навигатора. Он не просто вёл машину. Он прокладывал коридор.

«Выбери меня», — мерцала надпись из сна.

Утром, перед вылетом, старик («Александр Сергеевич») передал мне не только кнопочный телефон, но и тонкий кожаный портфель.

— Ваши документы на поездку, — сказал он коротко.

— Изучите. Вас зовут Михаил Орлов.

Вы независимый исследователь-историк из Петербурга, консультирующийся по вопросам геральдики. Цель визита — культурный обмен с архивом города Цюриха. Билеты и бронь отеля оформлены на это имя. Ваш настоящий паспорт останется здесь.

Я открыл портфель. Внутри лежал заграничный паспорт РФ на имя Михаила Дмитриевича Орлова. Фотография была моя, но сделана так, будто я выгляжу чуть старше и строже. Виза Шенген, несколько визитных карточек историка, распечатанное приглашение от некоего «Общества швейцарской геральдики». Легенда была проработана до мелочей.

Именно под этим именем — Михаил Орлов — меня и записали в банке на доступ к ячейке «Vogelwarte 1750».

Такси плавно зарулило на подъезд к терминалу. Водитель

наконец заговорил, не оборачиваясь:

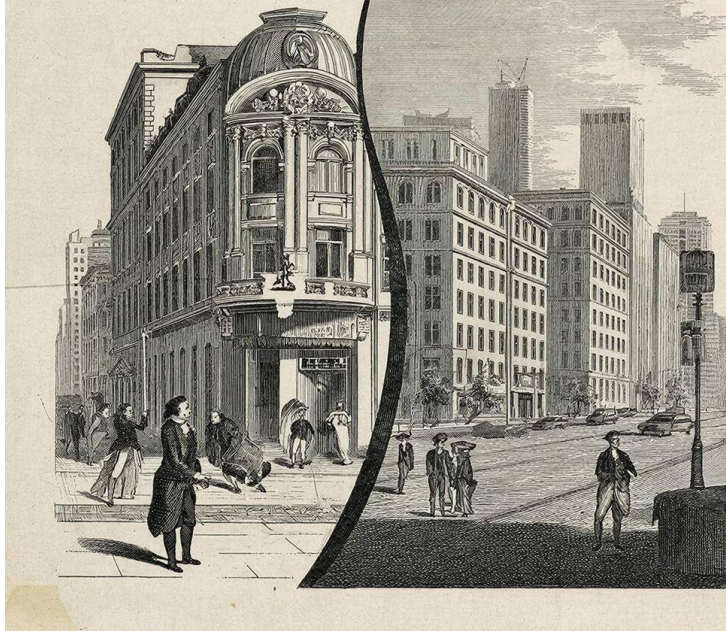
— Рейс SU240, регистрация открыта. Удачи.

Его голос был таким же нейтральным и профессиональным, как и всё остальное. Я вышел из машины, такси сразу же растворилось в потоке.

В кармане лежал кнопочный «Nokia», в руках — чемодан и блокнот с двумя ключами к прошлому, которое ждало меня в Цюрихе.

Предстояло узнать, какой из них откроет будущее.

ХАНДЕЛЬСБАНК

Глава 10. Испытание (Банк «Хандельсбанк»)

Здание «Хандельсбанка» на Банхофштрассе не поражаало высотой. Оно поражаало тяжестью. Массивный гранит, бронзовые двери, ощущение, что это не банк, а часть альпийского хребта, научившаяся хранить секреты.

Внутри царил тишина, нарушаемая только мягким шуршанием бумаг и сдержанными шагами по коврам толщиной в три столетия. Меня проводили в отдельный кабинет, где за столом из тёмного дерева ждал управляющий — человек с лицом, высеченным из того же гранита, что и фасад.

— Господин... Орлов? — он посмотрел на список, подняв глаза так медленно, будто каждая буква в фамилии имела вес.

— Вы записаны на доступ к депозитарной ячейке «Vogelwarte 1750». Процедура требует двухфакторной аутентификации. Предъявите, пожалуйста, ключ.

Я достал перстень. Он взял его в белых перчатках, осмотрел через лупу, особенно тщательно — печатку с вороном, затем кивнул ассистенту. Тот принёс небольшой, похожий на старый телеграфный аппарат прибор с клавиатурой и узким экраном. В его верхней части было углубление. Управляющий вставил туда мой перстень печаткой вниз. Раздался мягкий щелчок, и на экране загорелась латинская фраза, та самая: «Clavis in nomine et anno later» («Ключ таится в имени и годе»). Под ней мигал курсор в поле для ввода. Сердце заколотилось, ударяя в рёбра. Момент истины. Три попытки. В голове пронеслись две ночи в питерском особняке, лихорадочные вычисления в кресле, два варианта. «Петровский шифр» с его кириллической тайнописью и «Шифр Основания» с элегантной математикой. Управляющий смотрел на меня бесстрастно, но его взгляд был физическим предметом,

давившим на виски. Здесь нельзя было ошибиться. Возможно, после третьей попытки доступ заблокируют навсегда, а меня — выставят за дверь к тихому скандалу и провалу миссии, которой ещё даже не начал.

Я решил начать с более элегантного, с «Шифра Основания». Логика Лороки должна была быть чистой. Я мысленно проговорил алгоритм: взять имя GAELALFREDLOROKY, преобразовать в числа по классическому латинскому алфавиту (A=1, B=2...), применить к последовательности модульную арифметику с параметрами 17 и 50 из даты 1750...

Я ввёл получившуюся девятизначную последовательность: 148756939. На экране на секунду замигало «Verarbeitung...» («Обработка»), а затем появилось одно слово: «Falsch» («Неверно»). Сухо, без эмоций.

Первая. Холодная испарина выступила на спине. Ошибка. Осталось две попытки. В кабинете стало тихо настолько, что я слышал не тиканье часов, а лёгкий, ровный скрежет перчатки управляющего о край стола — единственный признак нетерпения.

Тогда я перешёл ко второму варианту — «Петровский шифр». Более громоздкому, пахнущему не логикой, а тайной службой. Может, Лороки зашифровывал не абстрактный код, а своё служение?

Я вспомнил свою догадку о фонетическом соответствии латинских букв кириллическим для нумерологии.

Я начал вводить новую последовательность, выводя её из

сложных мысленных расчётов: 21-04-17-30... Цифры были другими, более «крупными», царскими.

Ввёл. Снова пауза. Снова мигание. И снова — «Falsch».

Вторая. Холодная полоса, острая как лезвие, прошла от затылка к копчику. Одна попытка. Веки управляющего едва дрогнули, будто он мысленно поставил крест. Ассистент у двери неслышно переступил с ногу на ногу. Воздух стал густым. Я был в шаге от провала. Всё — весь путь от петербургского сна до этого кабинета — могло рухнуть из-за набора цифр в старом аппарате.

Озарение.

И тогда, в этой гробовой тишине, на грани, где мысль уже почти переставала течь, в голове пронеслась не фраза, а сам голос старика, сухой и безоценочный, как из репродуктора: «Система ждёт не просто цифры. Она ждёт узнавания.»

Я слишком увлёкся шифром. Гонялся за сложностью, как дурак. Но ключ был в буквальности. «Clavis in nomine ET ANNO later». Ключ таится в имени И годе. Не «через год», а «вместе с годом», как единое целое. Мне не нужно было преобразовывать имя в числа. Мне нужно было... ввести само имя, слитое с годом. Назвать себя, как это сделал бы он. Три века спустя.

Я выдохнул, собрав в лёгкие весь густой воздух комнаты. Последняя попытка. Я стёр предыдущий ввод и набрал на клавиатуре, не преобразуя в цифры, а просто используя латинские буквы и цифры как они есть:

GAELALFREDLOROKY1750

Я ввёл это как единую строку, без пробелов:
GAELALFREDLOROKY1750.

На экране мигнуло «Verarbeitung...». Прошла вечность в две секунды. Раздался тихий, но отчётливый механический щелчок — не из прибора, а из глубин стены. Панель из тёмного дерева рядом с камином отъехала в сторону, открывая тёмный провал сейфовой ячейки.

Управляющий впервые изменился в лице. В его глазах, обычно непроницаемых, как озёрная гладь, мелькнула крошечная рябь удивлённого уважения.

— Ausgezeichnet (Превосходно), — тихо сказал он. — Ячейка открыта.

Ключом был не зашифрованный код. Ключом была полная самоидентификация. Имя создателя и год-печать, введённые как пароль. Система проверяла не математические способности, а понимание сути.

Добыча.

В ячейке не было золота. Там, в бархатном гнезде, лежал один предмет. Я достал его. Это была восковая печатка, точная, но более крупная копия моего перстня, на массивном деревянном держателе. И под ней — свёрнутый в плотную трубку пергаментный свиток.

Я взял его. Пергамент был прохладным и упругим. Банкир мягко, но недвусмысленно кивнул к двери. Церемония была окончена.

Когда я летел обратно, уже с пергаментом в кармане, в самолёте я был всё тем же Михаилом Орловым.

Глава 11. Возвращение со «Смотрителем»

Самолёт из Цюриха в Петербург был заполнен наполови-

ну. Я сидел у иллюминатора, намертво сжимая в кармане свиток, будто он мог испариться. Прямо перед взлётом в салон вошёл последний пассажир. Не спеша, без багажа. Он прошёл мимо и сел через проход и два ряда позади. Я мельком заметил его — мужчина в бежевом плаще спортивного кроя, лицо намеренно среднее, созданное для мгновенного забвения.

Во время полёта он не спал. Он не читал, не смотрел кино, не смотрел в окно. Он просто сидел, обращённый вперёд, будто страж у входа в некую незримую зону. От него исходила не аура, а абсолютный вакуум внимания — как от глушителя звука или камеры наблюдения. Он был не человеком, а инструментом наблюдения, одетым в плоть и плащ. «Смотритель».

Я старался не оборачиваться, но моя спина физически чувствовала давление его пустого взгляда, как холодное пятно. Он и не пытался скрыться. В этом была его самая страшная угроза: слежка перестала быть тайной. Она стала фактом. Демонстрацией. В аэропорту Пулково я вышел одним из последних. «Смотритель» растворился в толпе, но ощущение висящего на шее гири не исчезло. Такси до дома я поймал на общей стоянке. Водитель был молчалив. Но теперь я сканировал все отражения в витринах, все машины позади с тёмными стеклами. Паранойя стала новым режимом восприятия.

Такси остановилось у моего дома. Я заплатил, вышел, но

не пошёл к подъезду. Новая мысль, отточенная и ледяная, как хирургический скальпель, рассекла сознание: Легенда «Михаил Орлов» была расходным материалом. И её срок годности только что истёк.

«Смотритель» видел меня в Цюрихе. Если он уже запросил данные по вымышленному историку, то скоро наткнётся не просто на нестыковки. Он докопается до цифрового призрака, а затем — по цепочке платежей, старым фотографиям, архивным записям — до моего настоящего имени. А от него — прямой путь к моим детям, к моим родителям. Мой дом из убежища превратился в указатель, яркую метку на карте для тех, кто умеет читать между строк.

Дрожащей от адреналина рукой я достал из кармана свой чудо-телефон и набрал единственный номер. Ответили после первого гудка. Никаких «алло».

— Алексей, — сказал я, вжимаясь спиной в холодную стену киоска, — легенда «Орлова» пробита. «Смотритель» уже на ней. Он выйдет на мою семью.

Их нужно раскидать. Немедленно. Старшего — в глушь, на Камчатку. Младшего — в швейцарский спортивный лагерь. Родителей — к морю. Мне нужны железные гарантии.

На другом конце повисла пауза, настолько чистая, что я услышал не дыхание, а лёгкий фоновый гул аппаратуры.

— Угроза была оценена в момент активации вашего досье, — раздался ровный, технический голос Алексея. — Превентивные меры были приняты семьдесят два часа назад.

Я замер. Лёд тронулся по венам.

— Ваш старший сын вчера получил приказ о внеплановой командировке в Петропавловск-Камчатский. Самолёт вылетел шесть часов назад. Младший сегодня утром подписал контракт с академией «Янг Бойз» и вылетает в Берн через три часа. Родителям вручены путёвки в сочинский санаторий «Весна» по акции «для ветеранов труда». Трансфер обеспечен. Все перемещения закрыты и сопровождаются. Он сделал микроскопическую паузу, чтобы каждый факт бился, как гвоздь.

— Ваш тыл чист. Вы можете сконцентрироваться на задании. Единственная ваша точка отказа теперь — вы сами. И свиток.

Я стоял на тротуаре у своего тёмного подъезда, сжимая в руке потный пластик телефона. По спине, медленно и неотвратно, поползла смесь дикого облегчения и абсолютного, животного ужаса.

Облегчение было физическим, как глоток воздуха после долгого удержания под водой. Они в безопасности. Их уже не достать. Система сработала.

Но под ним, глубже, зияла новая, более страшная реальность. Моя семья была в безопасности. Но она также превратилась в живой актив системы, перераспределённый по её логистической карте.

Их жизни были скорректированы с тихой, бюрократической необратимостью. Они думали, что это их шанс, их уда-

ча. Они и не подозревали, что стали пешками в обеспечении моего хода.

Их безопасность была и моим спокойствием, и моим величайшим долгом, оружием против меня же и гарантией моего послушания.

Я медленно опустил телефон. Свиток в кармане приобрёл новый, невыносимый вес. Он был уже не просто артефактом. Он был моим единственным рычагом, моим правом голоса в игре, где все остальные фигуры, включая моих родных, были уже расставлены неведомой мне рукой.

Я не зашёл в дом. Я развернулся и пошёл прочь по тёмной, пустынной улице, ощущая невидимую, но неразрывную нить, натянутую между моими лопатками и той точкой в толпе, где растворился «Смотритель». Дом был пуст. Настоящая битва теперь шла не за стенами, а внутри меня, между благодарностью за спасение и ужасом от его цены.

А следующая точка на карте этой битвы называлась Амстердам.

Глава 12. Семнадцать садов

Безопасная квартира. Расшифровка.

Квартира, предоставленная «службой», была безупречной и безликой: нейтральный ремонт, новая мебель, полное отсутствие признаков чьей-либо жизни.

На столе передо мной лежали два предмета: вернувшийся свиток и рядом — его современный, машинописный перевод. К ним была приколота записка: «Работайте. Ждём ва-

шего анализа. А.»

За эти дни я выдохся настолько, что, едва опустившись в кресло, часа на два провалился в тяжёлый, безсновидный сон, пока тело пыталось сжечь остатки адреналина.

Проснулся от знакомого напряжения в висках. Налил себе чашку крепкого чая, обложился бумагами и включил телевизор для фона. Из него, как и ожидалось, лился поток новостей: «Замороженные активы России... Европейские политики настаивают на конфискации...» Я сделал звук почти беззвучным. Эти разговоры были теперь не просто новостным шумом. Это был громкий саундтрек к тихой войне, в которую я был втянут.

Взгляд упал на перевод свитка. Я взял листки. Это был не сухой отчёт. Это был манифест.

«Инструкция первая. Для очей единственного наследника печати».

Сила не в одном сундуке, а в сети, что не знает своих узлов. Гнилые ветви «Системы» обрушатся, но семена, сокрытые в семнадцати садах, переживут зиму веков.

Первое семя покоится в Амстердаме, в доме под знаком Трёх Корон и Якоря (прим.: банк «Van der Burg & Zn», основан в 1682 г.). Имя фонда: «Stichting Eeuwige Wacht» («Фонд Вечной Стражи»). К предъявлению: оттиск сей печати и числовой ключ, что есть сумма года основания сего дома и числа садов (прим.: $1682 + 17 = 1699$?). Доступ даст не монеты, но Реестр Хранителей.

В Реестре — имена и знаки остальных шестнадцати стражей. Активировав троих, ты откроешь доступ к Голосу. Активировав семерых — к Воле. Активировав всех семнадцать — предъявишь право на Наследство Царя-Строителя, что

есть не сокровище, а Престол в Совете Теней финансового мира.

Спешу. Ибо тени других охотников уже скользят у корней. Ворон да укажет тебе путь.

G. A. de L., 1721 г.»

Я откинулся на спинку стула. В ушах зазвенело от массажа.

«Гениально!» — вырвалось у меня шёпотом. «Ай да сукин сын!»

Лороки не просто прятал казну. Он не был обычным жуликом. Он был архитектором.

Он создал распределённый трастовый фонд планетарного масштаба, вшитый в ткань самой старой финансовой системы Европы. «17 садов» — это старейшие, самые тихие и надёжные частные банки. «Активация» — это не вскрытие сейфа с золотом. Это юридическое подтверждение прав наследника-бенефициара на долю в некоем мета-капитале.

Не на деньги, а на влияние. На место за столом.

Те самые 300 миллиардов на гламурных современных счетах — это было лишь одно, самое молодое и наименее важное «семя». Им пожертвовали. Сознательно. Чтобы отвлечь внимание, как блестящую безделушку бросают на пути следователя.

А настоящая сила, завещанная Петром и сохранённая Лороки, была в другом. Она дремала в семнадцати банковских сейфах, ожидая не воров, а законного оператора.

Моим инструментом был не платёжный терминал. Это был реестр акционеров альтернативной финансовой вселенной. «Реестр Хранителей». Голос. Воля. Престол.

В этот момент мой модный телефон в кармане издал короткую, резкую вибрацию. Я достал его.

На тусклом зелёном экране горело СМС:

«Смотритель» запросил в базе данные по Михаилу Орлову. Легенда под угрозой. Рекомендуем ускорить вылет в Амстердам. Билет приложен к письму. Удачи. А.»

Я поднял взгляд от телефона и снова посмотрел на перевод свитка. На строку: «Спешите. Ибо тени других охотников всегда скользят по корням.»

Он не просто предупреждал. Он предсказывал. Триста лет назад.

Один охотник в бежевом плаще уже наступал мне на пятки. Он был здесь, в Петербурге. И он не отстанет. Легенда «Михаил Орлов» трещала по швам, и скоро «Смотритель» упрётся в её границы. А за ним могли стоять другие. Те, кто охотится за «семенами» уже не первое столетие.

Я встал. Усталость как рукой сняло. Её сменила холодная, собранная ясность.

Игра пошла по-крупному. Это была уже не архивная головоломка. Это была гонка на опережение. Гонка за первым из семнадцати ключей к «Престолу в Совете Теней».

«Тень» уже нащупала первую ниточку. Успею ли я активировать первое «семя», прежде чем «Смотритель» поймёт,

что ищет не человека, а ключ к забытой финансовой империи, и приведёт своих хозяев прямо в тот же банк в Амстердаме.

Я встал и начал собирать вещи. Первая остановка — Нидерланды. По следам первого из Семнадцати Сокровищ Лороки.

Гонка началась.

Глава 13. Интерлюдия над Балтикой. Геометрия власти

Самолёт набрал высоту, и Петербург растворился в молочной киселе осенних туч. Я откинулся в кресле, выпуская из лёгких воздух, которого, казалось, не хватало с самого

первого сна. Здесь, в герметичной капсуле с шипением воздуха и приглушённым гулом двигателей, наступила не безопасность — иллюминатор был слишком похож на прицел, — но абсолютная, вынужденная пауза. Время, чтобы сознание, наконец, перестало метаться и начало укладывать открытия в жёсткую таксономию, как снаряды в арсенал.

За окном плыла серая бесконечность — Балтика или уже Северное море, не важно. Настоящая геометрия раскладывалась внутри.

Вектор первый: Семья. Контролируемые переменные. Мысль о них больше не вызывала прежней теплоты. Теперь это был холодный, расчётливый аудит ресурса и уязвимости. Их «раскидали» с хирургической эффективностью. Это была не забота. Это был контроль. Я стал активом, и их превратили в страховку — ценный, но дистанцированный залог. Их безопасность была абсолютной ровно до тех пор, пока я играл свою роль. Давление страха кристаллизовалось в новую формулу: их благополучие равно моей эффективности. Чтобы они оставались в безопасности, я должен был выигрывать. Не сбежать. Выигрывать.

Вектор второй: Лороки. Архитектор вне времени.

Призрак обрёл черты. Он был не мистиком, а стратегом, мыслившим эпохами. Его «семнадцать садов» — не клад, а распределённая система управления миром.

Он зашифровал не деньги, а протокол абсолютной власти. Что двигало им? Не жадность. Человек такого масштаба пре-

зирал бы простое золото.

Им двигала одержимость идеей порядка — системы, способной пережить империи и династии. Он был садовником, сажавшим семена для урожаев, которые сам никогда не увидит. В этом была гениальность и леденящая надменность бога. Он не просто создавал инструменты. Он писал законы для реальности, которую считал слишком хаотичной.

Вектор третий: Я. Живой интерфейс. Почему я? Вопрос звучал иначе. Не «почему выбрали», а «какой изгиб моего сознания совпал с изгибом его схемы?». Алексей говорил о «латентном операторе», о чутье на ложь в данных. Лороки, возможно, искал не наследника по крови, а наследника по паттерну мышления. Человека, который видит не цифры в отчёте, а скрытый алгоритм, их генерирующий. Мой старый анализ депутатов, отвращение к лакировке реальности... Всё это была неосознанная тренировка. Подготовка к тому, чтобы однажды увидеть самый грандиозный паттерн — финансовый генокод, вшитый в историю Европы. Перстень на моей руке был не украшением.

Он был интерфейсом. Мостом. Иногда, в полной тишине, я ощущал лёгкий резонанс — не в пальце, а в глубине черепа — будто схемы Лороки настраивались на частоту моих нейронов.

Стюардесса предложила напитки. Я взял воду. Любое отключение сознания было теперь роскошью и предательством. Мозг должен был оставаться прозрачным и острым,

как скальпель.

И тогда, глядя на безликий океан облаков, все три вектора сошлись в одной, ослепительной и безжалостной точке. Точке, которую подсказал не архив, а холодная логика сегодняшнего дня.

Вектор четвёртый: 300 миллиардов. Жертвенный алтарь. Они оставили эти деньги там не потому, что не могли их вывести. Они оставили их там, потому что эти деньги — уже не валюта, а концепция.

Это — легитимизирующая жертва, заложник и оружие разложения.

Во-первых, театр доверия. Эти активы — материальное доказательство интеграции в западную финансовую систему. Их конфискация — это не акт справедливости, а акт ритуального саморазрушения системы. Это навсегда подрывает её сакральный принцип — неприкосновенность собственности. Россия заплатила 300 миллиардами, чтобы слить в канализацию саму идею «правил, основанного на порядках». Это стратегический урон, который стоит дороже триллионов.

Во-вторых, яд сомнения. Пока эти деньги заморожены, они существуют в состоянии финансового лимбоса. Это гигантский крючок сомнения, вонзённый в плоть европейской экономики. Любое решение по ним будет вызывать яростные споры, расколы, суды длиною в десятилетия. Оружие политического паралича.

Но главное было в-третьих. Что, если это и есть современ-

ное воплощение «Операции "Ворон"»? Что, если истинная цель — не спасти эти конкретные 300 миллиардов? Что, если цель — использовать их как гигантскую акустическую помеху? Как громкий, яркий спектакль, на фоне которого можно совершенно незаметно вывести, переоформить, «пересадить» другие, куда более важные активы? Совершить тот же тактический манёвр, что и Лороки в 1720-м: под рёв обвала пузыря переписать права собственности на целые финансовые вселенные.

Так, чтобы позднее выяснилось, что настоящие богатства находятся вовсе не на тех счетах, которые все так яростно сторожили. Что конфисковали пустышки.

А реальные рычаги управления уже давно в других руках, спрятаны за семью степенями цифровой защиты, ключом к которой является... да, тот самый алгоритм, наследником которого оказался я.

300 миллиардов на виду — это цена за невидимость триллионов. Жертва, принесённая для маскировки титана.

Лороки учил: настоящая финансовая мощь должна быть неосязаемой, как мираж. Она должна быть не в золоте в хранилище, а в доверии, в алгоритме, в коде, в знании, которое сильнее любого актива. Деньги на счетах — это труп финансовой системы.

А живая сила — это сеть, паттерн, принцип.

Тишина в салоне стала оглушающей. Логика была безупречна. И монструозна.

Я начинал подозревать, что меня активировали в 2025 году не для того, чтобы «спасти» что бы то ни было. Меня активировали, чтобы я запустил следующий логический виток петровского уравнения. Чтобы я, как когда-то Лороки, нашёл способ превратить видимые, шумные потери — в невидимую, абсолютную и тихую победу.

И это же осознание было током обратной связи: значит, «Смотритель» охотится не за деньгами. Он охотится за мной как за носителем этого принципа. Его цель — перехватить не активы, а сам интерфейс.

Самолёт мягко покачало в воздушной яме. Уравнение было сведено. Карта — прочитана.

Амстердам. Банк «Трёх Корон и Якоря». Число 1699. И «Смотритель», который, возможно, уже понял, что в этой игре охотник и добыча — понятия обратимы.

Я закрыл глаза, но не чтобы спать. Чтобы в темноте под веками окончательно протянуть нервные окончания по новым контурам реальности. Я был больше не жертвой обстоятельств, не пешкой.

Я был оператором, встроенным в древнейший и грандиознейший контур управления.

Когда я открою их снова, мы будем на снижении. Пауза истекала.

Начиналось исполнение.

АКТ ВТОРОЙ: АМСТЕРДАМ. АКТИВАЦИЯ

ТРЁХ
КОРОН
И ЯКОРЯ

Глава 14. Амстердам.

Банк «Трёх Корон и Якоря»

Часть 1. Воздух, который помнит

Влажный амстердамский воздух ударил в лицо, как приветствие из другой жизни.

Последний раз я был здесь в девяносто шестом. Тогда пахло свободой, дешёвым табаком, свежей типографской краской с только что купленного «Плейбоя» за 9.95 гульденов — и перспективой, которая казалась бесконечной. Зачётная «Вольво-740» серебристого цвета у канала, смех напарника, пачка мятых гульденов с дойчмарками в кармане джинсов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.